

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В РАМКАХ УГОЛОВНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (УИС)

В статье рассматриваются роль и влияние социокультурной среды, ее степень готовности со стороны субъектов правоприменения применения цифровых технологий. Подчеркивается необходимость реального соблюдения прав человека всех участников уголовного судопроизводства не только в формальных, но и неформальных практиках. Техническое оснащения учреждений уголовно-исполнительной системы способствует оперативному выявлению позитивных и негативных факторов, связанных с выявлением и коррекцией поведенческих стереотипов представителей различных субкультур, а также их влияние на реализацию конституционных прав человека. Акцентируется внимание на значение социокультурной среды для повышения эффективности социальной адаптации осужденных в социуме, в формировании которой принимают участие как государственные институты, так и общественные организации, деятельность которых направлена на соблюдение и защиту законности в государстве.

Ключевые слова: контролирующий орган, соблюдение прав и свобод граждан, социальная адаптация, субкультура, поведенческие стереотипы, правоприменение, цифровые технологии.

Существенную роль для соблюдения и защиты прав человека играет социокультурный аспект правоприменения как в рамках расследования преступлений, так и реализации конкретных процессуальных действий исполнения наказания, в том числе в системе уголовного наказания. При этом, доминирующим элементом является уровень национального правосознания, характеризующий «деятельность индивида и общества» [Мамонько, 2024, С. 61] и влияющий на реализацию конкретных ожиданий в рамках социальных, этнонациональных и иных правоотношений. На данный аспект неоднократно обращалось внимание многими философами, правоведами и правозащитниками как в западноевропейской, так и в отечественной традициях.

Проблема заключается в специфике правоприменения, где социокультурный аспект отражает степень защищенности прав человека, реализации права на справедливость и гарантий, прежде всего правовых, а не морально обещаемых различными формально существующими и неформально доминирующими структурами, обеспечивающими неотвратимость наказания. По мнению С. На-

сонова, начинает «складываться опасная, на мой взгляд, тенденция: судьи прерывают выступление защитника в прениях, если адвокат высказывает гипотезу (версию, мнение) о том, как происходили события в действительности». Не предоставляя возможности равноправного участия в судопроизводстве формально «подчеркивается в определении, *«сторона защиты не привела каких-либо конкретных доказательств указанным заявлениям»* [Насонов, 2025]. Другим вариантом манипулирования правами является то, когда «по смыслу п. 7 ст. 316 УПК судья постановляет обвинительный приговор если придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу. «Однако зачастую суды, рассматривая уголовное дело в особом порядке, не проверяют в полной мере обоснованность обвинения, наличие совокупности доказательств, а фактически ограничиваются признанием подсудимым своей вины и согласием с предъявленным обвинением» [Нагорная, 2024].

Данные негативные факторы частично решаются при применении объективных средств фиксации правонарушений как на уровне применения следственных действий, так и в местах исполнения наказания. По мнению уполномоченного по правам человека, актуальным это является в следствии «отсутствия жалоб от гражданина в период нахождения в соответствующем спецучреждении. Не исключено, что отсутствие таких жалоб может быть продиктовано опасением задержанного или арестованного за свою судьбу, поскольку он находится в зависимости от обеспечивающих его содержание [Доклад, 2024, С 283] сотрудников правоохранительных органов. Также обращается внимание на отсутствие «регламентации времени хранения видеозаписей и порядка их предоставления», что, в конечном итоге, «делает невозможным проведение объективной проверки всех обстоятельств произошедшего» [Доклад, 2024, С 283].

В национальном докладе отмечается: «любые акты насилия, безотносительно того, в отношении каких социальных и иных групп они совершаются, влекут должное реагирование со стороны правоохранительных органов. Совершение преступления по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-

либо социальной группы признается отягчающим вину обстоятельством» [Национальный, 2023, С 9]. В данном документе также отмечается что «в рамках совершенствования технического оснащения учреждений уголовно-исполнительной системы увеличено количество камер видеонаблюдения, введена практика обязательного использования видеорегистраторов сотрудниками дежурных смен. Сотрудники, не использовавшие видеорегистраторы в период несения службы, привлекаются к дисциплинарной ответственности, а в случае отсутствия фиксации фактов применения физической силы и специальных средств к подозреваемым, обвиняемым и осужденным (без наличия обстоятельств непреодолимой силы) рассматривается вопрос об их увольнении со службы [Национальный, 2023, С 26]. Н. Г. Шурухнов приводит следующую «статистику ФСИН России: по результатам прокурорского реагирования к трем видам ответственности привлечено 21 839 сотрудников УИС, в том числе к административной – 344, уголовной – 1, дисциплинарной – 21 491. Дисциплинарные взыскания налагались:

- за несвоевременное исполнение актов прокурорского реагирования – 27;
- вступление в запрещенные связи с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными – 4;
- неправомерное лишение или предоставление прав подозреваемым, обвиняемым и осужденным – 36;
- неправомерное применение физической силы и специальных средств – 21;
- неправомерное водворение в ШИЗО, карцер, ДИЗО, перевод в ПКТ, ЕПКТ, одиночную камеру – 243 [Шурухнов, 2025, С 542] и т.д.

Наличие подобных мер направлено на неукоснительное соблюдение законодательства, с одной стороны, но, с другой – актуализирует кадровую проблему, решение которой зависит от изменений в ценностно-смысловой парадигме. По мнению Л. Н. Масленниковой «кадровый состав участников уголовного судопроизводства (я имею в виду юристов – как властных субъектов, так и

невластных участников) должны соответствовать реалиям современной России. Важно осознавать, что укрепление суверенитета Российского государства, в том числе и в сфере публично-правовой деятельности в уголовном процессе, невозможно без солидарности государственной власти и участников уголовного судопроизводства, защищающих свои законные интересы» [Петелина, 2025]. Практика Верховного Суда Российской Федерации подчеркивает необходимость соблюдения баланса частных и публичных интересов. Например, при компенсации морального вреда, должна учитываться «степень индивидуализации размера компенсации», которая должна включать в себя доказанность причиненных гражданину физических и нравственных страданий, а отсутствие данных доказательств, в том числе, «подтверждающих факт нахождения [истца] под стражей свыше назначенного ему срока наказания в виде лишения свободы, характер и степень понесенных им страданий, связанных с его индивидуальными особенностями» [Фаст, 2025].

При укомплектовании кадрового потенциала необходимо обращать внимание на соотношение толкование одних и тех же знаний, умений и навыков, так как внутренние процессы рекрутинга во многих случаях не раскрываются публично, требуют детального разъяснения, а «он-лайн данные о вакансиях всё ещё остаются важным и детальным источником информации, позволяющим сделать важный шаг в дешифровке спроса» [Терников, 2024, С 39]. Актуальность этого состоит в том, что в соответствии с «концепцией развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г.» предусмотрено «создание государственной системы ресоциализации и социальной адаптации, что потребует: развития системы уголовно-исполнительных инспекций; совершенствования научно-методической базы в целях подготовки квалифицированных кадров; внедрения новых информационных технологий в деятельность уголовно-исполнительных инспекций; повышения уровня взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний с органами государственной власти, органами местного самоуправления и общественными организациями, а также с учреждениями и предприятиями социального обслуживания по вопросам оказания

адресной социальной помощи осужденным и лицам, освободившимся из мест лишения свободы» [Ресоциализация, 2022, С 51-52]. По мнению Е. В. Кашкиной, С. К. Хасановой и О. Н. Скачкова, информатизация системы уголовного наказания обладает эффективностью при условии когда «процесс восстановления и укрепления социальных связей является наиболее значимым в процессе применения пенитенциарной probation, особенно в отношении лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, когда ограничен процесс прямого, свободного контакта с социумом» [Кашкина, Хасанова, Скачков, 2024, С 75]. Также отмечается, что «к работе по восстановлению и укреплению семейных и социальных связей могут привлекаться общественные объединения и религиозные организации, добровольцы (волонтеры), родственники лиц, в отношении которых применяется исполнительная или постпенитенциарная probation [Кашкина, Хасанова, Скачков, 2024, С 77]. В российском законодательстве, к контролирующим органам соблюдения прав и свобод граждан относятся правозащитные институты (институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, совет по правам человека при президенте Российской Федерации, общественные советы в силовых ведомствах, общественные организации и т.п.), в обязанности которых входит мониторинг и защита прав граждан от посягательств со стороны государственных институтов принуждения. При этом, органы прокуратуры наделены правом «как освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы, так и освобождения подозреваемых, обвиняемых из-под стражи. Такая проверка является неотъемлемой частью прокурорского надзора за исполнением законов в местах лишения свободы и обеспечивает комплексный подход к защите прав и свобод граждан» [Чобанян, 2024, С. 80].

Ценностная трансформация, включающая в себя процессы цифровизации во всех сферах жизнедеятельности, должна быть ориентирована «на внутренние познавательные, нравственные, волевые ресурсы и преодолевая влияние внешних природных факторов или давление социальных сил [Бурбулис, 2024, С 59]. Информационное обеспечение должно учитывать интересы и потребности всех

заинтересованных лиц как со стороны правоприменения, так и осужденных в равной мере. Со стороны правоприменения – объективная факсация противоправных действий (фото и видеофиксация), а также, оперативность обработки документооборота (личные дела, характеристики, рапорта о нарушении режима и т.п.). Со стороны осужденных – ожидание объективного и непредвзятого отношения к себе, к своему достоинству как личности и возможность получения достоверной информации о своих правах и способах их реализации. Формирование информационной культуры может способствовать уменьшению рисков применения психологического давления со стороны сотрудников УИС и неформальных правил со стороны уголовных субкультур (стандартов поведения, сформированных в процессе историко-культурной ментальности). Это происходит в рамках «культурной эволюции» (Ф. А. Хайек), когда «культура позволяет адаптироваться к обстоятельствам, которых индивидуальный разум никогда не был бы в состоянии осознать» [Капелюшников, 2023, С 8].

В уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве определены гарантии соблюдения прав всех сторон судопроизводства, в том числе, как подчеркивает Э. Р. Бабаев, «подзащитным (подозреваемому или обвиняемому) и их защитнику, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, их представителям не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в случае ходатайства с их стороны, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются предъявленными доказательствами (п. 2 ч. 2 ст. 159)» [Бабаев, 2023, С. 82]. Существует дихотомия между формальной нормативностью с точки зрения действия правовых институтов и влияние неформальных [Золотухин, Степанцова, 2023; Золотухин, 2024; Степанцова, Тарасенко, 2024] (морально доминирующих стереотипов повседневного поведения), но опирающиеся на ментальные и культурообразующие основания, предполагающие «смысловое соотнесение с теми или иными кодами» [Верников, Курышева, 2024, С. 121]. Имеется ввиду куль-

турный код, как отражение социокультурной национальной идентичности в рамках осуществления деятельности в сфере правоприменения.

С одной стороны, сформированность культуры правоприменения отражает общие тенденции трансформации культурных стереотипов, связано с расширением навыков цифровых компетенций в освоении традиционной культуры и ее сохранения и/или замены цифровыми аналогами виртуального мира. Являясь отражением социально-экономической и культурной дифференциации общества, правоприменение связано с ценностным отношением к закону как необходимости его соблюдения в повседневной жизнедеятельности. По мнению В. М. Хомича, это связано с тем, «что сегодня в условиях социальной и технологической глобализации мы, как это не парадоксально, незримо вступаем в очередной, но более информационно-технологический цикл «первоначального правового приспособления и злоупотребления правом. Тревожность за счастливое социально-правовое и безопасное будущее, которое все более откладывается, становится серьезным криминогенным фактором, существенно активизирует преступную среду и соответствующую мотивацию индивидуального и корпоративного отклоняющегося поведения [Хомич, 2024, С. 61-62] Добровольность соблюдения закона сопряжена с выходом за рамки дозволенных конкретной социокультурной средой поведенческих стереотипов.

С другой стороны, декларируемые властью тенденции к изменению ценностного компонента правоприменения не согласуются с реальным соблюдением и защитой прав человека. Этот процесс не зависит от иерархического, имущественного, социального и иного положения человека в обществе. Данное противоречие обусловлено наличием сложившихся навыков, требующих «специального научения» [Бубновская, Якубенко, 2024, С. 49]. Поэтому «права человека, каким бы законодательным актом они ни были закреплены, являются декларацией, рассчитанной на человечность. Люди не являются равными и свободными, но они должны стать таковыми – и де-юре, и де-факто; справедливость не существует сама по себе, но к ней также нужно стремиться» [Антонченко, 2024, С. 9] независимо от политико-правовой составляющей.

Иерархичность, доминирование практики подчинения в рамках правоприменения, в том числе в системе исполнения наказаний позволяет минимизировать социальные и иные риски, связанные с ответственностью наложения и исполнения наказаний. По замечанию И. Д. Малофеева ответственность «(на ведомственном уровне) каждого должностного лица, допустившего незаконное обвинение, а также ведомственные требования эффективной борьбы с преступностью, то четко выстроится картина конкуренции интересов, с которой неизбежно столкнется любой правоохранитель в своей деятельности» [Малофеев, 2024, С. 115]. Данная практика обусловлена корпоративной закрытостью, с одной стороны – обеспечивающей формальную законность изолирования преступников от общества, а с другой – применение противозаконных способов и методов для доказательства виновности и/или невиновности, в зависимости от политико-идеологической целесообразности. Это может быть обеспечено через досудебное воздействие СМИ либо различное административное (должностное лицо, работодатель, партия, представители субкультур и т. п.) институционально-психологическое давление [Zolotukhin, Zolotukhina, Sedina, Kozyreva, 2020].

Причин отказа в УДО может быть много, в том числе – нарушение режима. Как отмечает А. С. Андреева, «статья 397 УПК РФ относит производство по УДО к деятельности, направленной на рассмотрение и разрешение вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора. Таким образом, уголовно-процессуальный закон определяет разрешение вопросов об УДО в качестве производства в рамках уголовно-процессуального института исполнения приговора. Эта деятельность имеет существенную специфику, заключающуюся в том, что она носит факультативный характер, и ее предметом является оценка обстоятельств, возникших в ходе непосредственной реализации наказания» [Андреева, 2019, С. 16]. По сравнению с другими государствами, «российское законодательство отличаются более дифференцированным подходом к определению обязательного минимального срока наказания, подлежащего отбытию осужденным в целях его возможного УДО. Определяющим при установлении величины данного срока является его тяжесть» [Михайлова, 2022, С. 44].

Каждый осужденный, имея право подавать ходатайства на условно досрочные освобождения (УДО) независимо от того, в чем бы он не обвинялся, ожидает гуманного (признанного социокультурной средой в рамках правоприменения) к нему отношения со стороны государственных институтов. Реализация данного права предусмотрена законодательством Российской Федерации (уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным кодексами, другими нормативными актами), является стимулом для коррекции поведения осужденных, но ограничена порядком и правилами применения. Возникает это право через каждые полгода и не зависит как от тяжести (убийство с отягчающими последствиями, серийные преступления и т.д.), так и от морально-этических норм совершения преступления (гендерные основания совершения конкретного преступления с точки зрения допустимости в культурных стереотипах повседневного поведения). Речь идет не только об объективированных в нормах права стереотипах поведения, но и устоявшиеся (доминирующие) морально-этические и/или неформальные правила, обусловленные социально-экономическими, политико-организационными и иными обстоятельствами. Говоря о влиянии тюремной субкультуре, С. Б. Пономарев отмечает ее системный и самоорганизующий характер, противостоящий флуктуациям и, при «прохождении точки бифуркации» режим функционирования системы перешел на новый уровень: неожиданно возникла жесткая иерархическая структура построения тюремного социума, «актив» деградировал, появились устойчивые тюремные касты» [Пономарев, 2023, С. 534]. При этом эффективным признается опыт Китая, «где: государство и правящая партия успешно борются с социальными пороками (в частности, впервые в истории человечества полностью ликвидирована бедность); общество сплочено высокой идеей строительства коммунизма с китайской спецификой; средства массовой информации взяты под жесткий контроль государства» [Пономарев, 2023, С. 535].

Из вышесказанного можно резюмировать следующее. Вопросы обеспечения и соблюдения конституционных прав и свобод в системе исполнения наказания зависят в равной мере от взаимодействия между сотрудниками (соответ-

ствие профессиональной компетенции) и осужденными (их желаниями и возможностью противостоять доминированию преступным субкультурам). Примером может быть деятельность ЧВК «Вагнер» по привлечению с согласия государства заключенных, «когда есть необходимость снизить прозрачность своей внешней политики и иметь «козла отпущения», который будет виноват в случае разоблачения. Государство может отрицать свое участие, даже если лежащие в его основе действия увенчались успехом. Неправдоподобное отрицание помогает создать репутацию субъекта, способного достичь желаемых результатов, не прилагая никаких усилий» [Олейник, 2024, С. 76]. Иными словами, происходит изменение выполнения со УИС государственного заказа по исправлению осужденных и включенность их в гражданский социокультурный социум, на выполнение неформальных институциональных функций.

Библиографический список

1. Андреева А. С. Условно досрочное освобождение в России и Нидерландах: сравнительно-правовой аспект. Магистерская диссертация на соискание степени магистра по направлению подготовки 40.04.01. – Томск: НИ ТГУ, 2019. – 112 с. [Электронный ресурс] <https://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2019/06/%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B0-%D0%90%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D0%A1%D0%B5%D1%80% %B2%D0%BD%D0%B0.pdf?ysclid=m6om4f97h8789811718> (дата обращения 10.02.2025)
2. Антонченко В. В. Универсальность прав человека как агрегация закона и морали // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2024. – Т. 21, – № 1. – С. 5–14. DOI: 10.24147/1990-5173. 2024.21(1).5-14.
3. Бабаев Э. Р. О некоторых вопросах охраны и защиты прав человека и гражданина в уголовном процессе / Э. Р. Бабаев // Вестник ВИПК МВД России, 2024. – № 3 (71). – С. 80–85; doi: 10.29039/2312-7937-2024-3-80-85.
4. Бубновская О. В., Якубенко К. А. Факторы девиантного поведения российской молодежи с учетом социально-экономического развития регионов. // Экономическая социология. 2024. – Т. 25. – № 4. – С. 46–94. doi: 10.17323/1726-3247-2024-4-46-94.
5. Бурбулис Г. Э. Политософия, 2-е изд. / автор статей Г. Э. Бурбулис, автор предисловия В. А. Лекторский, составитель О. Г. Свиридова. – Екатеринбург : Народный университет современного конституционализма имени Г. Э. Бурбулиса, 2024. – 432 с.
6. Верников А. В., Курышева А. А. Русская традиционная экономическая культура с точки зрения концепции Веблена о поведенческих установках // Мир России, 2024. – Т. 33. – № 4. – С. 110–135. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-110-135.
7. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год. – М. 2024. – 500 с. [Электронный ресурс] <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2023.pdf> (дата обращения 15.01.2025).
8. Золотухин В. М., Степанцова Е. В. Социокультурный аспект экономического поведения человека в условиях неопределенности. // Социально-философские аспекты науки и образования. 2023. – № 3 (3). – С. 34–41.
9. Золотухин В. М. Деформация правового сознания в неформальных социокультурных практиках. / Проблемы экономики и управления: социокультурные, правовые и организационные аспекты. Сб. статей магистрантов и преподавателей КузГТУ. – Кемерово, 2024. –

- С. 77-85. [Электронный ресурс] http://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Other/2024/PEU/PEU_2024/index.htm (дата обращения 15.01.2025).
10. Капелюшников Р. И. Концепция культурной эволюции Ф.А. Хайека и эволюционная психология. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2023. — 84 с. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 35 экз. [Электронный ресурс] https://wp.hse.ru/data/2023/10/11/2046936843/WP3_2023_05-10_10_23.pdf (дата обращения 15.01.2025).
11. Кашкина Е. В., Хасанова С. К., Скачков О. Н. К вопросу восстановления социально полезных связей лиц, в отношении которых применяется пробация (в части содействия в розыске родственников или иных лиц, оказывающих положительное влияние на осужденных) // Вестник ВИПК МВД России. 2024. – № 3 (71). – С. 73-79; doi: 10.29039/2312-7937-2024-3-73-79.
12. Малофеев И. В. Диалектический подход к разрешению конкуренции правозащитной и обвинительной функций // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. – № 6 (104) – С. 114–121.
13. Мамонько М.М. Правовая культура и правовое сознание осужденных // Право и государство: теория и практика. 2024. – № 10(238). – С. 61–63. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_10_61.
14. Михайлова Е. В. Опыт реализации института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в зарубежных странах // Криминологический журнал. 2022. – № 1. – С. 41–45. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2022-1-41-45>.
15. Нагорная М. Эксперты прокомментировали правовые позиции по уголовным делам из Обзора ВС РФ № 2, 3 (2024). Адвокатская газета, 4.12.2024. [Электронный ресурс] <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/eksperty-prokomentirovali-pravovye-pozitsii-po-ugolovnym-delam-iz-obzora-vs-rf-2-3-2024/> (дата обращения 15.01.2025)
16. Насонов С. Суд присяжных: итоги 2024 года и прогноз на 2025-й. 17.01.2025. [Электронный ресурс] <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-itogi-2024-goda-i-prognoz-na-2025-y/> (дата обращения 10.02.2025)
17. Национальный доклад, представленный в соответствии с пунктом 5 к приложению к резолюции 16/21 Совета ООН по правам человека. Россия. – М. 2023. – 39 с.
18. Олейник А. Феномен полугосударственных силовых структур: анализ случая ЧВК «Вагнер». // Вестник общественного мнения, 2024. – № 1 (135). – С. 70–87.
19. Петелина М. Уголовно-процессуальный кодекс РФ не соответствует современным реалиям. Интервью с Л. Н. Масленниковой. Адвокатская газета. 5.02.2025 [Электронный ресурс] <https://www.advgazeta.ru/intervyu/ugolovno-protsessualnyy-kodeks-rf-ne-sootvetstvuet-sovremennym-realiyam/> (дата обращения 10.02.2025)
20. Пономарев С. Б. Стратегия противодействия пенитенциарной субкультуре с позиции системного анализа // Человек: преступление и наказание. 2023. – Т. 31(1–4). – № 4. – С. 530–537. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.530-537.
21. Ресоциализация лиц, освободившихся из мест лишения свободы : тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – 122 с.
22. Степанцова Е. В., Тарасенко А. А. Нормативно-правовое регулирование уголовного правоприменения в российской социокультурной ментальности. / Проблемы экономики и управления: социокультурные, правовые и организационные аспекты. Сб. статей магистрантов и преподавателей КузГТУ. – Кемерово, 2024. – С. 291–299.
23. Терников А. А. Спрос на навыки работников в сфере информационных технологий в России: методика идентификации и классификации. Диссертация на соискание степени кандидата экономических наук – Москва: НИУ ВШЭ, 2024. –117 с.
24. Фаст И. Компенсация морального вреда и баланс интересов. Практика ВС: тренд на снижение компенсаций по делам о незаконном уголовном преследовании. Адвокатская газета, 11.02.2025. [Электронный ресурс] <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kompensatsiya-moralnogo-vreda-i-balans-interesov/> (дата обращения 15.02.2025)

25. Хомич В. М. Обеспечение достойной жизни людей как универсальный криминологический фактор уголовно-правовой политики в сфере безопасности // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. – №3 (42). – С. 60–65. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-60-65.

26. Чобанян А. Г. Прокурорский надзор за исполнением законов в местах лишения свободы: вопросы совершенствования нормативно-правового регулирования. // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. – № 5 (103). – С. 78-82.

27. Шурухнов Н. Г. Противоправные деяния сотрудников уголовно-исполнительной системы: статистика, квалификация, вид наказания // Человек: преступление и наказание. 2023. – Т. 31(1–4). – № 4. – С. 538–545. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.538-545.

28. Zolotukhin V., Zolotukhina N., Sedina N., Kozyreva M. Socio-cultural and Legal Aspects of Interaction between Representatives of Different Subcultures in the Media Space / In Fourth International Scientific Conference Communication Trends in the Post-literacy Era: Multilingualism, Multimodality, Multiculturalism, KnE 2020. SocialSciences. - Pp. 227-234.

V. M. Zolotukhin

*Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia
Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia*

THE SOCIO-CULTURAL ASPECT OF THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON LAW ENFORCEMENT IN THE FRAMEWORK OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM

The article examines the role and influence of the socio-cultural environment, its degree of readiness on the part of law enforcement entities to use digital technologies. It emphasizes the need for real respect for the human rights of all participants in criminal proceedings, not only in formal but also informal practices. The technical equipment of penal institutions contributes to the rapid identification of positive and negative factors related to the identification and correction of behavioral stereotypes of representatives of various subcultures, as well as their impact on the implementation of constitutional human rights. Attention is focused on the importance of the socio-cultural environment for increasing the effectiveness of the social adaptation of convicts in society, in the formation of which both state institutions and public organizations participate, whose activities are aimed at observing and protecting the rule of law in the state.

Keywords: supervisory authority, observance of citizens' rights and freedoms, social adaptation, subculture, behavioral stereotypes, law enforcement, digital technologies.

Сведения об авторе

ЗОЛОТУХИН ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ – Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Российская Федерация), профессор кафедры гуманитарных, социально-экономических и естественно-научных дисциплин; Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева (г. Кемерово, Российская Федерация), профессор кафедры истории, философии и социальных наук, доктор философских наук, профессор, E-mail: zvm64@mail.ru

Information about the author

ZOLOTUKHIN VLADIMIR MIKHAILOVICH – Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation), Professor of the Department of Humanities, Socio-Economic and Natural Sciences; Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev (Kemerovo, Russian Federation), Professor of the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, E-mail: zvm64@mail.ru